

Нечеткость определения жанра исторических песен, характерная для вступительной статьи, сказалась и на отборе материала. Так, в сборнике «Українські народні думи та історичні пісні» в состав исторических песен включены рекрутские песни, «Дубинушка», революционные песни («Смело, товарищи, в ногу» и др.), многие песни периода Великой Отечественной войны. Все ли из перечисленных песен являются историческими? Что вообще понимают составители под жанром исторических песен? И по каким поэтическим и тематическим признакам указанные песни отнесены к историческим?

Возможно, что составители, расширяя понятие исторических песен, в каком-то отношении правы. Может быть, действительно следует задуматься над расширением состава этого жанра и периодизацией исторических песен по различным историческим периодам, включая и современность? Но все это необходимо глубоко продумать и теоретически обосновать, внести дополнения в определение жанра исторических песен и т. п. В данном же случае без всяких убедительных оснований к историческим песням причислены такие, отнесение которых к историческому жанру является спорным.

Сборник сопровождается обширными примечаниями (57 страниц убогистого текста), составленными П. Д. Павлием. В них даются краткие характеристики исторических лиц, упоминаемых в думах и исторических песнях, объяснения многих малоизвестных событий и терминов. Однако и они не лишены некоторых недостатков. Иногда объясняются общеизвестные или понятные из текста положения (вроде того, что в песне нашло отражение недовольство крестьян помещиками) и не объясняются неизвестные (например, некоторые из многочисленных податей и налогов, которые платили крестьяне западноукраинских земель в панской Польше). Нуждаются в объяснении и некоторые грамматические формы и стилистические обороты речи. Неполны и не всегда убедительны объяснения названий городов, встречаемых в думах. Так, о городе Козлове (дума «Самійло Кішка») в примечаниях говорится, что это — древнее название города Евпатории, в котором в XVI—XVII вв. был большой невольничий рынок (стр. 576). Вместе с тем известно (см. БСЭ и «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона), что в указанный период на месте Евпатории был город Гёзлев, переименованный в Евпаторию в 1783 г. Название же «Козлов» является народной украинской огласовкой «Гёзлев». В песне «Жив дома — добра не знав» встречается название «Ковбань»:

Жив дома — добра не знав,
Пішов за Ковбаню,
З-за Ковбані до Ростова.

П. Д. Павлий говорит по этому поводу: «Ковбань — наверно, Нахичевань, старое название города Ростова-на-Дону; сейчас Нахичевань — один из районов этого города» (стр. 601). Объяснение это не убедительно, так как наряду с Ковбанью в песне назван и Ростов. Возможно, что Ковбань — Кубань, откуда герой песни пришел в Ростов, или название какого-либо другого места на пути к Ростову, но не сам Ростов.

В некоторых случаях вызывает сомнение датировка произведений. Так, возникновение песни «Є хороші пісні у мойй стороні» П. Д. Павлий относит к периоду подготовки Великой Октябрьской социалистической революции на том основании, что в ней имеется строка «Ленін дав заповіт перестроїти світ», которую составитель связывает с Апрельскими тезисами В. И. Ленина. Однако ленинское учение о перестройке старого мира проникло в народ задолго до апреля 1917 г. и могло войти в песню значительно раньше.

Встречаются в примечаниях и неточности, объясняемые недостаточно внимательной подготовкой рукописи к печати. Так, песня «Є хороші пісні у мойй стороні» в одних и тех же примечаниях называется то народной переделкой известной русской песни «Дубинушка», каковой она и является, то самостоятельным революционным произведением. На стр. 628 говорится о Стокгольмском воззвании Всемирного Совета Мира, хотя в действительности Стокгольмское воззвание было воззванием Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира. На стр. 596 в примечаниях к песне «Ой, виїхав із Гуманя козаченько Швачка» дается справка о Бондаренко, которая должна бы находиться в примечаниях к следующей песне, в которой его имя упоминается.

Книга «Українські народні думи та історичні пісні», являясь результатом большого труда коллектива сотрудников Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, представляет значительный интерес. Тем более необходимо при переиздании сборника подумать об устранении имеющихся в ней недостатков.

Б. П. Кирдан

Кавказский этнографический сборник, I, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XXVI, М., 1955.

Этнография народов Кавказа с давних времен была предметом внимательного изучения со стороны многочисленных русских исследователей. Большая работа в области кавказоведения проделана советскими этнографами старшего и младшего поколений. Однако, несмотря на обилие литературы, в кавказской этнографии есть еще

немало «белых пятен», немало серьезных пробелов, устранение которых является важной задачей советской этнографической науки. Необходимо, в частности, критически пересмотр всего литературного наследия прошлого по вопросам кавказской этнографии. Нужны обобщающие историко-этнографические очерки об отдельных народах Кавказа, отражающие современный уровень развития этнографической науки в нашей стране. Необходимо систематическая публикация архивных материалов, результатов экспедиционных работ и монографических исследований по актуальным вопросам кавказской этнографии. Вот почему нельзя не приветствовать инициативу Института этнографии АН СССР, приступившего к изданию серии «Кавказских этнографических сборников», первый том которой недавно вышел в свет.

Важное место в рецензируемом «Сборнике» как по объему, так и по значению принадлежит труду покойного профессора С. Д. Лисициана «Очерки этнографии дореволюционной Армении». В «Очерках» дается этнографическая характеристика армянского народа преимущественно в XIX в., а также рассматриваются некоторые явления более отдаленного прошлого, уже в предреволюционный период утратившие свой смысл и значение.

Работа С. Д. Лисициана насыщена большим фактическим материалом, частью которого впервые вводится в научный оборот. Особенно тщательно, с глубоким знанием дела описывает автор материальную культуру дореволюционной Армении — сельскохозяйственную технику, технологию различных отраслей ремесленного производства и т. д. При этом С. Д. Лисициан не ограничивается формальным описанием этнографических фактов, он стремится вскрыть их социальный характер. Следует отметить большую эрудицию автора. Работа изобилует примерами, аналогиями из этнографии соседних народов: азербайджанцев, иранцев и др. Нередко эти сравнения выходят далеко за пределы Кавказа и даже Ближнего Востока.

Отмеченные положительные стороны труда покойного исследователя делают его важным и познавательным. К слову сказать, этот труд обладает рядом преимуществ над многими работами того же автора, опубликованными ранее. Все же и здесь имеются недостатки и спорные положения.

Прежде всего бросается в глаза неравномерность распределения материала «Очерках». Больше половины их объема занимает раздел «Хозяйство и материальная культура». Гораздо меньше внимания уделено разделам «Семья и семейные обряды» и «Духовная культура». Последний раздел вообще очень схематичен. Между тем, в него входят такие важные вопросы, как народное искусство, народная гигиена, медицина, религия, верования и обряды, народные праздники и т. д. Каждый из этих вопросов хорошо освещен в армянской этнографической литературе.

В небольшом очерке «Сельская община» С. Д. Лисициан описывает армянскую сельскую общину, отдельные стороны и пережитки которой еще сохранялись в армянской деревне XIX в. Автор несколько идеализирует общинные отношения. Получается так, что в армянской сельской общине не было или почти не было классовой борьбы. Нет нужды доказывать, что армянская община отнюдь не была свободна от жестоких внутренних противоречий, особенно обострившихся во время распределения земель и воды между членами общины, назначения тануэров-кефхи и т. д.

В последнем разделе «Очерков», где автор говорит о духовной культуре армянского народа, о его религии, он ограничивается только констатацией фактов. Так, например, говоря о распространении католицизма среди части армян, автор пишет: «В время крестовых походов возникло течение, стоявшее за сближение армяно-григоринской церкви с папской. Движение это не встретило поддержки в широких массах, однако отдельные католические общины стали появляться со второй половины XV в. Массовый переход в лоно папской церкви произошел со второй половины XVII в. среди армян, живших в Польше, где львовский армянский архиепископ признал главенство папы, сохранив армянский язык и ритуал в богослужении» (стр. 256).

Такое «академическое» изложение факта насильственного принуждения армян принять католичество нельзя признать удачным.

В своих предыдущих работах С. Д. Лисициан, как и ряд других этнографов, отрицал вообще наличие армянского народного театра. За несколько лет до смерти он издал памятку для собирателя народного творчества, ни одним словом не упомянув о народном театре. В рецензируемой работе С. Д. Лисициан отошел от своих прежних взглядов, но еще не полностью стал на правильные позиции. На стр. 246 он пишет: «Народная драма не выделялась как особый вид народного словесного творчества, хотя, казалось бы, масленичные игры с переодеванием в «пашу» или в «хана» и целый ряд других народных представлений — обрядов с драматизацией образов могли послужить основой для того, тем более, что в них давно стали проникать и светские элементы» (стр. 246).

Автор не мог быть знаком с новыми исследованиями по этому вопросу, написанными за последние годы советскими учеными. Этим и надо объяснить наличие в «Очерках» остатков тех ошибочных взглядов, которых придерживалась армянская этнография на протяжении многих десятилетий.

Другой большой работой, вошедшей в «Кавказский этнографический сборник», является труд М. О. Косвена «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке». В рецензируемом томе помещена первая часть «Материалов». Вторая часть будет опубликована, как указывается в предисловии к сборнику, во втором томе этого издания.

По определению автора «Материалов», его работа «представляет собой собрание и систематизацию дореволюционной литературы по этнографии Кавказа, имея в основном био-библиографический характер» (стр. 265). Свою задачу М. О. Косвен видел в том, чтобы создать справочное пособие, необходимое для всякого кавказоведа и полезное для историков русской науки вообще (см. там же). Уже первая часть работы М. О. Косвена свидетельствует о том, что эта задача успешно им решена.

«Материалы» представляют собой первое энциклопедическое пособие по истории изучения этнографии Кавказа в русской науке, являющееся итогом кропотливого многолетнего исследования. В своей библиографической части работа М. О. Косвена отличается большой тщательностью. В ней отмечены не только более или менее известные литературные выступления в самых различных изданиях на протяжении многих и многих десятилетий, но и все то, что в какой-либо степени могло бы оказать помощь исследователю Кавказа. При этом автор подходит к рассматриваемым им литературным памятникам критически, оценивая их с точки зрения развития русского кавказоведения.

Изучаемый материал расположен в работе М. О. Косвена в хронологическом порядке, по десятилетиям. Однако по ходу изложения автор нередко, но всегда обоснованно, отходит от этого принципа, для того чтобы дать концентрированные сведения о работах по отдельным вопросам, независимо от того, когда и кем они были написаны. Так, на стр. 326 автор посвящает 15 строк этнографическому очерку о курдах, принадлежащему перу великого армянского писателя Хачатура Абовяна. В примечании к этому очерку М. О. Косвен приводит почти полную библиографию литературы по данному вопросу. Такие историко-библиографические экскурсии, встречающиеся и на многих других страницах работы, дают читателю возможность составить более полное впечатление о литературе по вопросам кавказоведения.

В заслугу автору следует поставить и то, что он не только по крупинкам собрал материал, разбросанный в самых различных изданиях и порой не известный исследователям Кавказа, но и тщательно проверил его, сопоставляя по различным источникам. Вот пример метода работы автора: П. С. Потемкин в 1784 году составил работу под названием «Краткое описание о кабардинских народах». Рукопись этого труда, как сообщает М. О. Косвен, хранится в ЦГВИА, фонд ВУА, дело 18473 (две копии). Далее автор пишет: «В 1794 году в г. Курске была издана книжка под титулом: Описание горских народов. Курск, 1794; на следующей странице над текстом другое заглавие: Краткое описание о кабардинских народах. Имени автора эта публикация не носит. Эта курская книжка во всех библиографических указаниях и ссылках фигурирует в качестве сочинения, автором которого оказывается выше упомянутого архивного списка сочинения Потемкина, с различными, впрочем, разночтениями, преимущественно стилистического характера, так что курская книжка представляет собой издание, повидимому, с некоторой редакционной правкой текста Потемкина» (стр. 282).

Следовательно, в работе М. О. Косвена читатель найдет не только библиографические сведения, но и чрезвычайно ценные уточнения и комментарии. В этом отношении «Материалы» значительно выходят за рамки авторского определения задач работы. Уже сейчас можно высказать пожелание об издании «Материалов» отдельной книжкой, так как потребность в такого рода пособии весьма велика, а тираж «Кавказского этнографического сборника» (2000 экземпляров) не обеспечивает самые скромные нужды читателей.

Конечно, переиздание работы М. О. Косвена не должно быть просто перепечаткой. Нужно устранить имеющиеся сейчас в работе недостатки, главным из которых является отсутствие необходимого научно-справочного аппарата. Речь идет об алфавитном указателе имен, словаре терминов и кратком биографическом справочнике, содержащем данные о всех заслуживающих внимания лицах, оставивших работы по этнографии Кавказа. Без этих материалов пользование работой М. О. Косвена в известной мере затрудняется.

В заключение хочется отметить, что работа М. О. Косвена уже получила высокую оценку в местной кавказской печати. В статье «Ценное пособие по этнографии народов Дагестана», опубликованной в газете «Дагестанская правда» от 19.VI.1955, говорится: «Работа М. О. Косвена особенно ценна тем, что раскрывает исторические корни дружбы русского народа с народами Кавказа, показывает огромную роль русских ученых в развитии кавказоведения и подъеме культуры народов Кавказа».

Наряду с работами таких известных ученых, как С. Д. Лисицян и М. О. Косвен, в «Кавказском этнографическом сборнике» опубликованы исследования молодых этнографов-кавказоведов. Среди них прежде всего следует отметить сравнительно большой очерк Я. С. Смирновой «Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX—XX вв.)», представляющий собой часть кандидатской диссертации автора на тему «Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху». Как известно, по этнографии абхазов имеется сравнительно большая литература — старая и новая. Я. С. Смирнова критически изучила печатные источники, использовала архивный материал и данные проведенных ею полевых работ в Гудаутском и Очамчирском районах Абхазской АССР. В результате получился вполне зрелый труд, в котором автор обстоятельно рассматривает вопрос о положении абхазки в прошлом и настоящем. Надо сказать, что критические замечания Я. С. Смирновой

относительно высказанных в литературе точек зрения по интересующему ее вопросу довольно убедительны. В целом очерк производит хорошее впечатление.

В первом томе «Кавказского этнографического сборника» помещена еще одна работа об абхазах — сокращенный вариант диссертации Л. Х. Акаба «Абхазы Очамчирского района». В этой работе Л. Х. Акаба добросовестно и со знанием дела отмечает изменения в хозяйстве, быту и культуре, в общественных и семейных отношениях абхазов, происшедшие в советскую эпоху.

К сожалению, обе работы об абхазах, едва появившись в свет, несколько устарели. Это объясняется тем, что со времени написания их и до опубликования прошло не менее трех лет. Такую медлительность с печатанием кандидатских диссертаций молодых этнографов-кавказоведов нельзя не поставить в упрек Институту этнографии и Издательству АН СССР.

Большой интерес представляет историко-этнографический очерк Л. И. Лаврова «Абазини». Автор поднимает и успешно разрабатывает один из малоизученных вопросов этнографии народов Северного Кавказа.

«Кавказский этнографический сборник в какой-то мере заполняет существующий пробел в советской литературе по вопросам кавказоведения. Надо пожелать, чтобы очередные тома «Сборника» выходили регулярно и чтобы, наряду с ними, систематически издавались сборники исследований и материалов по этнографии других народов СССР и зарубежных стран.

А. М. Аршаруни

Сборник статей по истории Кабарды, вып. 3. Кабардинский научно-исследовательский институт, Нальчик, 1954.

С 1951 г. Кабардинский научно-исследовательский институт наряду с «Учеными записками» публикует «Сборники статей по истории Кабарды». В первый и второй выпуски этого издания вошли статьи собственно исторического характера. В третьем выпуске наравне с историческими значительное место отведено также этнографическим работам, которые и являются предметом настоящей рецензии.

Этнографические исследования имеют в Кабардинской АССР особенно большое значение, так как количество документальных источников по истории бесписьменной в прошлом Кабарды очень ограничено и данные этнографии являются важным, в ряде случаев решающим историческим источником. Только этнография в контакте со смежными дисциплинами может пролить свет на такие все еще не решенные вопросы, как соотношение земледелия и скотоводства в дореформенной Кабарде, особенности кабардинского феодализма и т. п. Вокруг этих вопросов уже ряд лет ведутся научные споры¹, остающиеся незавершенными и в значительной мере беспочвенными именно вследствие слабой этнографической изученности Кабарды. Вот почему появление каждой новой серьезной работы по этнографии кабардинцев, касающейся указанной выше тематики, следует всячески приветствовать.

Этнографическая часть сборника открывается большой статьей Е. Н. Студенецкой «Быт и культура кабардинского народа (XVIII—XIX вв.)». Как указывает автор, это — историко-этнографический очерк, предназначенный для включения в коллективный труд по истории Кабарды, в частности в главы о социально-экономическом строе. Работа Е. Н. Студенецкой состоит из небольшого историко-культурного введения и ряда разделов, охватывающих все важнейшие стороны быта кабардинцев: основные занятия, промыслы и ремесла, селения и жилище, пища и утварь, одежда, семейно-общественный быт, религиозные верования, народное искусство. Таким образом, эта работа является первой в кавказоведческой литературе попыткой дать общую картину быта феодальной Кабарды и, надо сказать, попыткой в основном удачной. Особенно отрадное впечатление производит то обстоятельство, что автор не только внимательно анализирует описываемые явления с точки зрения их классовой сущности, не только в ряде случаев прослеживает их историю и причины бытования, но и стремится показать их связь с национальным характером кабардинцев (пища, одежда, орнамент, танцы и т. п.). Это, конечно, делает работу более уязвимой со стороны критики, но зато гораздо более интересной, нежели работы тех, к сожалению, еще довольно многочисленных авторов, которые осторожно остаются в рамках одного лишь фактографического описания. С этим же отчасти связаны некоторые спорные или, на наш взгляд, неверные положения автора, к рассмотрению которых мы переходим.

Нам представляется несомненным, что при изучении национального характера, как и при любом этнографическом исследовании, должна быть выявлена этническая специфика, конкретные этнические особенности. Однако Е. Н. Студенецкая идет по этому пути далеко не всегда. Она говорит о таких национальных чертах кабардинцев, как любовь к родине, свободе и независимости (стр. 145), благородство (стр. 191) и т. п., т. е. констатирует черты, характерные для всех народов, не выявляя специфических черт кабардинцев, присущих им одним. Думается, что в конкретном этнографическом исследовании подобного рода характеристики выглядят как общие места: они,

¹ См. отчеты о научных сессиях Кабардинского научно-исследовательского института в его «Ученых записках» и рецензируемом сборнике.